

Казалось, целый день до сентября
И жизнь моя длинна и безголова.
И если я выдумываю слово,
То Бога нет, нечестно говоря.

Десятый год. Седьмое января.
Весь день — воспоминание былого.
Наутро смерть приятеля Крылова.
Метель. Цветы. Лицо из янтра.

2-е. Март. Коричневый альбом.
Два призрака на бледно-голубом
Невнятном фоне. Яркая зарница.
Косые звёзды. Запахи весны.
Сияют светофоры. Снятся сны.
Мне ничего давно уже не снится.

Вытащил, спас, обронив на ходу:
«А... Это ты... Горемыка-писатель...»,
Кто это был? — до сих пор не найду —
То ли Спаситель, то ли спасатель.

То ли меня отмолили слезами
И возвратили в родные пенаты

Добрые звери со злыми глазами —
То ли еноты, то ли юннаты.

То ли боялся горящего ада,
Где чертенята доносы клепали,
И напоследок молящих: «Не надо...».
То ли отпели, то ли распяли...

То ли кричали «лама савахфани»
В Тартаре гулком бедняги-титаны,
Или цвели во дворе тети Фани
То ли бутоны, то ли бутаны.

То ли татары брели по долинам,
Встречных бичуя кумысом и страхом,
И разбивали историю клином
То ли на вежи, то ли навахо.

То ли меня круговые поруки
Жалили жадно как змей-искуситель,
Только навстречу протягивал руки
То ли спасатель, то ли Спаситель...

Я подарю тебе милое стихотворение,
Только подруга-судьба совершит поворот:

В нём будет всё обо мне и процессе старения.
В нём будет всё о тебе, только — наоборот.

Будут свистеть и выплясывать зимние
праздники.

И поздравлять. И сквозь вьюгу кричать:
«Повезло».

Но не сегодня — сегодня минуты-проказники
Будут куда-то спешить. И кому-то назло

Станут вращаться быстрее барабаны истории,
Снова и снова выбрасывать тот же билет:
Мне до подъезда, тебе по своей траектории,
Что параллельна моей уже тысячу лет.

Если с ума не сойти от такой географии,
То уж старуха-тоска до костей загрызёт.
Скоро фотограф проявит твои фотографии:
Ты — это ты. Ну, а я — это как повезёт.

Знаешь, наверно, прямые когда-нибудь
сходятся —

Если на них неотрывно, до боли, смотреть...
Может, и нас перекрестит с тобой Богородица,
Сдвинув маршруты и оси на целую треть.

Перечеркнувши законы российской
грамматики,

Точки поставит, как точки опоры в пути,
Нам, оказавшимся рядом в такой математике,
Где параллели не сходятся, как ни крути.

Если же нет — я пройду через все ударения,
Стану окружностью, выгнусь, нащупаю брод!..
Я расскажу как-нибудь тебе стихотворение:
В нём будет всё о тебе, только — наоборот...

✿ ✿ ✿

Страна, где теплятся идеи
И время сыплется в кульки,
Где вырастают орхидеи
И заводные мотыльки,

Где джинн в оранжевой бутылке
Пускает носом пузырьки,
Где разбиваются затылки
По мановению руки, —

Там и живёт моя отрада
В одноэтажном терему.
И, значит, мне и, значит, надо
Шагать в египетскую тьму —

Туда, где путаются даты,
Как их с утра ни запиши,
Где оловянные солдаты
И на столе карандаши,

Где салютует канонада
И запах крови на траве.
И, значит, мне и, значит, надо
Лежать с дырою в голове.

И, значит, мне теперь приснится
Слепая белая луна,
На ней районная больница,
На ней та самая страна,

Где тьма египетского толка,
И постовые, и зима.
Где орхидеи спят. И только
Одноэтажные дома...

✿ ✿ ✿

Этим утром, пожалуй, смиришься с мыслью
о том,
что Господь — это снег — бесконечное ровное
поле.

И молчит человек, и сказать ему нечего, что ли,
онемевшим, зашитым суровыми нитками ртом.

А вокруг — красота, в белом воздухе белые реки,
вязнет клён по больное колено в пушистом
снегу.

Что, как автору, мне о молчащем сказать
человеке,
если имя ему я никак подобрать не могу...

Был бы повод иной, так придумал бы сказку
иную,
где с надеждой глядит человек в ледящую
тьму.

И Господь наклоняется сам к человеку
вплотную.
Но не видит его. И не любит его потому.

✿ ✿ ✿

В круге первом качнёшься — окажешься
в солнечном круге,
Справа — фикус и шкаф, и тройная система
дверей.

Каково нам сидеть и не знать ничего друг
о друге,
И распугивать птиц, и дразнить первобытных
зверей?

Или снова качнёшься как маятник влево
и вправо
И почувствуешь пульс у соседа во влажной
руке.
Брякнешь слово ему, а оно для него как отрава,
И Господь огорчённо качнёт головой вдалеке.

Впрочем, что нам Господь — мы и сами,
пожалуй, с усами
В нашем тесном кругу с рукотворною мерой
весов.
А за кругом сутулится смерть с золотыми
часами,
И вращаются стрелки внутри этих страшных
часов.

Не качайся, пожалуй, ни вправо, ни влево,
ни прямо,
Ни тем более — навзничь. Гляди — впереди
за окном
В тёплый вечер среды городская плывёт
панорама,
И качается воздух с тяжёлыми птицами в нём.

Пусть кружатся они, поднимаясь то выше,
то ниже
Опускаясь, резвятся пускай на воздушной
волне.
Где-то в правом окне терпит гибель кораблик
на крыше,
И плывёт жаркий солнечный круг где-то слева
в окне.